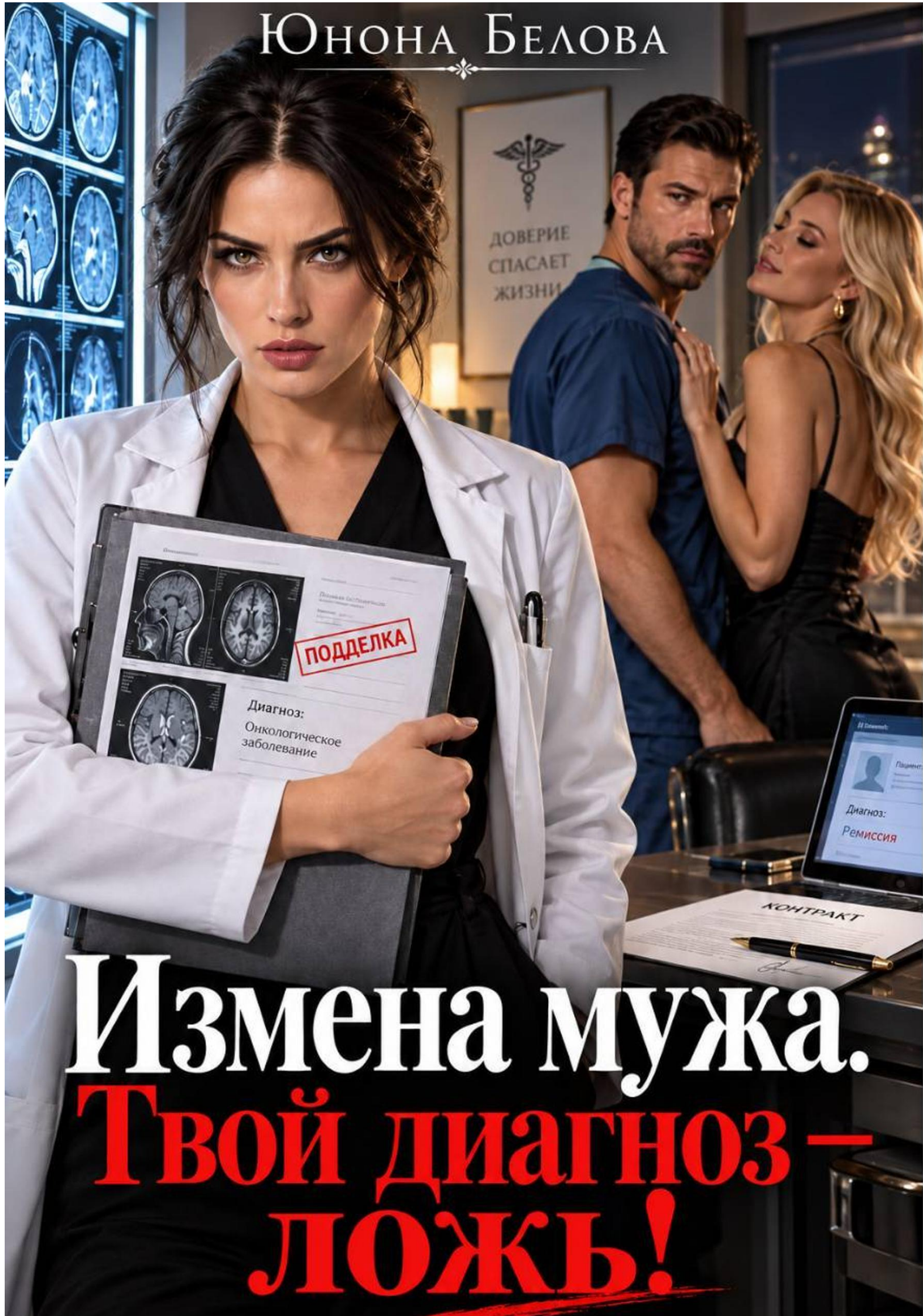

Юнона Белова

И измена мужа. Твой диагноз – ЛОЖЬ!

Юнона Белова

**Измена мужа. Твой
диагноз — ложь!**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Измена мужа. Твой диагноз — ложь! / Ю. Белова — «Автор»,
2026

Десять лет брака. Пять лет работы над собственной клиникой. И один документ, в котором муж вычеркнул моё имя. Дмитрий нашёл любовницу, объявил её беременной и потребовал развода. Но предательства ему оказалось мало. Он решил забрать мой бизнес, оставить без денег и отправить за решётку. А потом выяснилось невероятное: любовница была нанята, беременность — часть спектакля, а мой страшный медицинский диагноз мог оказаться подделкой! Муж рассчитывал, что я сломаюсь и подпишу всё, что он потребует. Только он забыл одну мелочь: именно я годами вела финансовые дела нашей клиники. И теперь мне предстоит выяснить, как далеко он зашёл, чтобы уничтожить меня

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юнона Белова

Измена мужа. Твой диагноз — ложь!

Глава 1

В кабинете Дмитрия можно было забыть, сколько стоит наша тишина. Кондиционер гудел, из соседнего зала доносились короткие сигналы мониторов, на деревянной столешнице не было ни царапины. Я помнила счет за этот стол — три платежа, потому что сразу нам было не потянуть. Пять лет назад мы открывали клинику вдвоем: Дмитрий принимал пациентов, я выбивала отсрочки у поставщиков. Теперь он был лицом нашего успеха, а мои цифры оставались за дверью кабинета. Меня это устраивало. До того дня, когда я взяла его планшет.

Поставщик ждал платежа за оборудование. Для отправки нужна была подпись Дмитрия, а он ушел на операцию. Я взяла его планшет: бухгалтерская программа там уже была открыта, пароль я знала. Сам он любил говорить, что секретов у нас нет. Во всяком случае, сменить пароль ему до сих пор не приходило в голову.

Планшет стоял на столе, прислоненный к подставке. На экране должна была быть наша фотография с горного перевала — ту мы выбрали на годовщину. Вместо нее открылся PDF. Я потянулась свернуть его, чтобы добраться до платежа, и прочитала заголовок.

«ДОГОВОР О ПЕРЕДАЧЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ». Я придержала планшет за угол. Такие бумаги я обычно готовила сама. Этот договор мне никто не присылал.

Сначала я стала искать пометку «черновик». Такие договоры проходили через меня; чужая фамилия в шаблоне могла ничего не значить. Прокрутила вверх, потом вниз. Палец проскальзывал, и я никак не попадала в нужную строку. Хотелось закрыть документ и дожидаться Дмитрия: он объяснит, а я посмеюсь над собой. Именно поэтому я заставила себя дочитать.

Но я увидела дату. Завтрашняя. 15 октября.

А ниже — список учредителей. Там было имя Дмитрия. Было имя Елены Новиковой, анестезиолога, которая пришла к нам месяц назад. И не было моего имени. Строка с фамилией «Волкова М.» была вычеркнута жирной красной линией, словно кто-то пытался исправить опечатку в школьной тетради.

«Он согласился развестись после того, как мы оформим фиктивную беременность для давления на совет директоров», — всплыло сообщение в мессенджере, который висел поверх документа. Отправитель — Елена. Время отправки: сегодня, 14:30.

В половине третьего он позвонил предупредить о сложном стентировании. Сказал, что будет до ночи и ужинать его не ждать. Я пожелала, чтобы все прошло хорошо. Сейчас это «хорошо» хотелось забрать обратно. Сообщение Елены пришло в то же время, и она явно ждала от него другого результата. Без моего участия.

Меня замутило. Не от имени Елены — от красной черты через мою фамилию. Пять лет можно было вычеркнуть одним движением, и документ после этого выглядел даже аккуратнее. Я прижала запястье к краю стола, чтобы перестать дрожать. Если сейчас швырнуть планшет в стену, останутся осколки и мои отпечатки. А договор останется у него. От этой простой мысли стало еще гаже.

За дверью прошли люди, кто-то засмеялся. Я вскинула голову, хотя ко мне никто не заглядывал. Страх, что коллеги увидят меня с чужим планшетом и мокрым лицом, оказался сильнее желания разреваться. Дмитрий потом назовет это истерикой. Я уже слышала его снисходительное «Марина опять переволновалась» и стиснула зубы. Нет. Хотя бы сейчас он не получит такого подарка.

Выдохнула и заблокировала экран. В темном стекле увидела свои щеки, раскрытый рот. Закрыла рот тоже. Еще утром я оставила бы планшет на столе, выровняв край по папке; теперь сунула в сумку экраном к подкладке. Молнию застегивала двумя руками — бегунок зацепился. Пусть Дмитрий сначала хватится планшета. И пусть спросит, что я успела прочитать.

За дверью засмеялся Дмитрий. Я узнала смех и почти обрадовалась: операция закончилась, можно спросить, что это за договор. Потом услышала, как он продолжает разговор по телефону. Спрашивать при чужом человеке нельзя. Я прижала сумку к бедру и осталась стоять у стола.

— Дима? — мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. Почти скучающе.

Он вошел и прикрыл телефон ладонью. От него пахло новым парфюмом — сандал я узнавала, а остальное никак не могла разобрать. Мой флакон, подаренный на день рождения, был другим. Я поймала себя на том, что ищу объяснение даже запаху.

— Марин? Ты чего здесь? — Он приподнял брови и оглянулся на часы. Я опоздала с ответом: все еще ждала, что он сам заговорит о договоре.

— Подпись нужна была срочная, — я указала на стопку бумаг на его столе, хотя планшет уже был убран в сумку. — Задержалась.

— А, ну да, конечно. Опять эти налоги. — Он махнул рукой и прошел к креслу. Я так и стояла с бумагами. Подпись поставил бы за секунду, но я уже не напоминала: лишь бы не спросил, где планшет. Он мог сейчас посмотреть на меня, заметить лицо. Вместо этого потянулся к ноутбуку.

— Все готово к отправке, — добавила я, улыбаясь так широко, что заболели щеки. — Увидимся дома.

Он кивнул, уже открывая ноутбук. Я пошла к двери обычным шагом, даже придерживала ее, чтобы не хлопнула. Молния сумки упиралась в ладонь. В коридоре пришлось остановиться у стены: мокрая блузка прилипла к спине, ноги сделались ватными. За стеклом кабинета Дмитрий поднял глаза. Я сделала вид, что ищу телефон, и пошла дальше. Подстава. Кому говорить это слово, я еще не знала.

Дождь смазывал огни за кухонным окном. Я раскладывала квартальный отчет по листам: его требовалось закончить, хотя я читала одну строку по три раза. Дмитрия дома не было. Спросить о планшете он тоже не позвонил. Я ждала, что именно он скажет, когда вернется.

В десять он бросил ключи на столешницу. Я закрыла ладонью лист, чтобы он не видел, над какой строкой я застряла. От него пахло алкоголем и тем новым парфюмом. Он не стал снимать куртку сразу. Подошел к холодильнику и прислонился к нему.

— Я ухожу.

Он произнес это, глядя мне в лицо, и сразу замолчал. Даже куртку не снял. Я ждала продолжения: куда, надолго ли, что принести к ужину. До следующего его слова еще можно было услышать в этом обыкновенное «я ухожу».

— Что? — я медленно подняла голову, глядя на него сквозь призму очков.

— К Елене. Она понимает меня. Чувствует. А ты... ты слишком сухая, Марина. Слишком деловая. Ты превратила наш брак в балансировку счетов.

Я ждала, что он скажет «поговорим». Или хотя бы назовет меня по имени, прежде чем объявить, что десятилетний брак закончен. Он ничего не добавил. Я опустила взгляд на бумаги под своей ладонью: в квартальном отчете все еще сходилась. Даже сейчас. От этого захотелось расхохотаться ему в лицо.

— Клиника, — сказала я тихо. — Наш бизнес. Твоя ипотека, которую мы платим вместе. Наша квартира.

Он усмехнулся на слове «наша». Квартира. Клиника. Ипотека. Видимо, я перечислила именно то, ради чего он приехал. Я подняла кружку, чтобы занять руки.

— Именно поэтому я здесь. Слушай внимательно, жена. Есть два пути. Первый: ты подписываешь документы об отказе от доли в уставном капитале клиники в мою пользу. Тихо. Без скандалов. Без суда. Второй путь...

Кружка дрогнула у меня в руке. Дмитрий посмотрел на нее, и я крепче обхватила ручку, лишь бы не застучать зубами о край. Он ждал. Я поставила бы кружку, но тогда он увидит, что пить я уже не могу.

— Второй путь: я публикую компромат. Помнишь те налоговые ошибки пятилетней давности? Те, которые я сам же и исправлял незаконно, чтобы спасти тебя от тюрьмы? У меня есть копии всех твоих «подвигов». Одно письмо в Следственный комитет — и ты станешь фигурантом дела о мошенничестве. А я останусь чистым. Бизнес будет мой. Квартира будет продана для оплаты твоих штрафов и адвокатов.

Я перестала слышать дождь. Смотрела на его рот и пыталась запомнить слова — письмо, Следственный комитет, штрафы. Завтра он скажет, что я неверно поняла. Он вообще любил это «ты неверно поняла», особенно после обещаний. Но квартиру он уже успел продать в своей голове. Мне оставил только счет за адвокатов.

— Ты манипулятор, — прошептала я.

— Я прагматик, как и ты, — парировал он. — Выбор за тобой, Марина. Подписать бумагу или сесть в камеру.

Он достал телефон и поднес экран почти к моим очкам. Переписка с Еленой: строки, которые чужая жена читать не должна. Я повернула голову, но он передвинул телефон следом.

«Ты была удобной женой, но не женщиной». Эту строку я успела прочесть.

— Елена даст мне то, чего ты не дала — страсть и понимание, — добавил Дмитрий. Телефон он уже опустил. Мое лицо интересовало его больше переписки.

Ваза стояла за его плечом. Тяжелая, с широким горлышком; когда-то мы привезли ее с отдыха, завернув в мои вещи. Я поймала себя на том, что выбираю, за какой край удобнее взяться. Стало страшно уже от самой себя. Отвела взгляд от вазы, поставила кружку на стол. Сейчас я должна уйти из этой кухни — до того, как он получит повод вызвать полицию.

Я отодвинула стул, поднялась и выключила настольную лампу. В тусклом свете из коридора уже не так бросалось в глаза, как у меня дрожат губы.

— Где твои вещи? — спросил он, немного растерявшись от моего молчания.

— В шкафу. Я возьму самое необходимое.

— Куда ты?

— В гостевую комнату.

Я прошла мимо, не задев его плечом. В шкафу нашла ночную рубашку, в ванной — щетку. Зарядку взяла из спальни: без телефона нельзя. Потом проверила планшет в сумке. Он по-прежнему был там. Дмитрий за мной не пошел.

Дверь гостевой комнаты закрылась со щелчком. Я повернула замок. Дважды. Чтобы быть уверенной.

Глава 2

В гостевой я сидела на краю кровати. Из-под шторы просачивался свет фонаря. Телефон лежал на коленях, сумка — у ног. Если он сейчас постучит, что я скажу? «Завтра». Нужно было хотя бы одну ночь, в которую решение не принимает Дмитрий.

Телефон погас на коленях. Я снова включила экран. Подпишу — завтра придется выходить из клиники, которая была и моей тоже. Дмитрий останется с договором и копиями отчетов. Кто помешает ему отправить их потом? Я потерла лоб краем рукава. Подпись он получит за минуту, а назад ее уже не забрать. Надо найти человека, которому можно показать договор сегодня.

В контактах нашла Сергея Валентиновича — друга отца, адвоката по корпоративным спорам и рейдерским захватам. Три года назад, на похоронах, он сунул мне визитку. Я тогда разглядывала его имя, чтобы не смотреть на людей у могилы. «Если понадобится помощь, звони. Деньги потом обсудим. Человеческая честь дороже». Я сохранила номер в тот же вечер. Ни разу не воспользовалась.

Номер Сергея был сохранен, но позвонить означало произнести все вслух. Мой муж нанял женщину, готовит поддельные бумаги и угрожает мне тюрьмой. Я несколько раз открывала контакт и возвращалась на главный экран. Потом вспомнила завтрашнюю дату договора. Пока я стыжусь, у него идет оформление. Стыд подождет.

Он мог объявить о разводе. Для этого не требовались ни фиктивная беременность, ни моя вычеркнутая фамилия. Значит, брак уже перестал быть главным. Сейчас он добивался подписи, и каждый его разговор надо было слушать с этой поправкой.

Я подняла телефон ближе к лицу. Контакт Сергея был среди избранных, под старой фотографией с отцом. До вызова оставалось одно касание. Я нажала, пока не передумала.

После четвертого гудка я уже решила, что он не ответит. На пятом услышала шорох и сонное недовольное дыхание.

— Алло? Кто там в такую ночь?

— Сергей Валентинович, — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить четко. — Это Марина Волкова. Дочь Андрея Петровича.

На другом конце провода заскрипело — Сергей, наверное, сел. Я прижала телефон теснее. Только бы он не попросил перезвонить утром.

— Марина? — он удивился, но не возмутился. — Что случилось? Почему ты звонишь?

За закрытой дверью был слышен храп. Дмитрий спал; я сидела с его планшетом у ног и пыталась ответить другу отца. Хотелось начать с «мы поссорились». Скажу так — Сергей предложит помириться и положит трубку. Я перевела дыхание, стараясь говорить тише, чтобы не разбудить мужа.

— Подстава, — произнесла я одно слово, от которого у меня самой перехватило дыхание. — Рейдерский захват. Через медицинскую фикцию. Мне нужны доказательства. Срочно.

Я держала телефон обеими руками. Сергей еще был на линии, и мне уже не приходилось придумывать, как выдержать следующий час одной. Я могла рассказать ему про договор. Могла назвать дату и фамилии. Не все сразу, не без запинок — но могла. Вот с этого и надо было начать.

На следующую ночь он опять заскрежетал ключом в замке. Я услышала это с кухни и не стала убирать планшет со стола. Пусть спросит, как он оказался здесь.

Передо мной оставался договор с уже наступившей датой. Я забрала планшет вчера, а Дмитрий до сих пор не спросил о нем. Рядом с документом была переписка: «Он согласился развестись после того, как мы оформим фиктивную беременность для давления на совет директоров». Вот о чем он молчал, стоя у нашего холодильника.

Я перечитывала сообщение, цепляясь за слово «фиктивная». Можно было хотя бы не бояться ребенка, который будто бы должен был лишить меня всего. Но легче не становилось. Они обсуждали мое место в нашей жизни так, словно я уже освободила его и осталось только забрать ключи.

Хлопнула входная дверь, и из прихожей потянуло холодом. Виски, табак, сладкие духи — запахи дошли до кухни раньше Дмитрия. Я втянула воздух, стараясь разобрать знакомое. Жасмин? Нет, тяжелее, с ореховой нотой. Так пахла Елена. Наши вещи висели в одном шкафу; завтра моя куртка тоже пропахнет этим, если он повесит свою рядом.

— Марина! — голос у него был хриплым, пьяным, но требовательным. — Где ты? Я знаю, ты здесь. Не смей делать вид, что тебя нет.

Он стоял в дверном проеме, опираясь плечом о косяк. Рубашка расстегнута до середины груди, воротник смят. На внутренней стороне воротника темнело пятно. Темно-красное. Помада. Стойкая, дорогая помада оттенка «бордо».

Больше всего взбесила помада. На планшете были чужие слова; на воротнике — чужой рот. Я зажала край стула под столом, чтобы руки не потянулись к нему. «Ты шумишь» — вот что я скажу. Не про Елену, не про договор. Для начала заставлю его хотя бы перестать орать в моей кухне.

— Я здесь, Дима. — Пришлось сглотнуть, прежде чем продолжить. Я все еще держалась за край стула; он моих рук не видел. — Ты шумишь. Соседи спят.

Он сделал шаг внутрь, споткнувшись об ножку стула. — Соседи... Тебе вообще есть дело до соседей? Мне нужна тишина, Маринка. Понимание. Я устал. Эта неделя была адом. Совет директоров давит, инвесторы требуют гарантий... А ты? Ты сидишь тут, как истукан, и ничего не спрашиваешь!

Он ждал, когда я начну спрашивать, что случилось на работе. Так мы прожили годы: он устал, я слушаю; он сердится, я ищу способ смягчить вечер. Я посмотрела на пятно у воротника. Сегодня трудный день придется пережить без моего участия.

Я встала, взяла стакан из мойки и пустила воду. Пока она лилась, можно было стоять к нему спиной. Выключила кран, поставила полный стакан перед Дмитрием. Капли с доньшка оставили круг на столе.

— Выпей, — сказала я. — От похмелья помогает.

Он не взял воду. Посмотрел на стакан, потом на меня. Если я поставила его недостаточно ласково, сегодня он об этом не услышит ни слова извинения.

— Ты издеваешься? — спросил он тихо.

— Я наблюдаю, — ответила я. Мой взгляд снова скользнул к его воротнику. К тому самому красному следу. — У тебя помада на рубашке, Дима. Красная. Стойкая.

Он потянул воротник вверх, точно я могла забыть пятно, если его больше не видно. Я отвела взгляд от рубашки к его лицу. Теперь будем говорить не о помаде.

— Это не то, что ты думаешь, — начал он, делая шаг ко мне. Протянул руку, чтобы взять меня за плечо. Его пальцы пахли алкоголем и чужими духами. — Мы же семья, Маринка. Ну чего ты такая злая? Давай просто поговорим. Как взрослые люди.

Его пальцы легли на плечо там же, где обычно лежали, когда он заходил ко мне сзади. Я знала это движение и едва не подалась навстречу по привычке. От этого стало тошно. Отшатнулась, ударила поясницу о край тумбы и осталась у нее — на другой стороне кухни. Пусть видит, что больно. Только подойти еще раз не дам.

— Не трогай меня, — процедила я. — Ты пахнешь изменой, Дима. И это не метафора. Это диагноз.

Он еще стоял с протянутой рукой. Я обхватила край тумбы за спиной: поясница ныла, но на этом расстоянии он меня не доставал.

Он отпустил воротник. Я успела заметить, как он собирался улыбнуться, и как передумал. Одернул рубашку, выпрямился. Сейчас заговорит так, будто проводит совещание и я мешаю повестке.

— Ладно, — сказал он сухо. — Если ты хочешь играть в эти игры... Давай перейдем к делу. Я ухожу. К Елене. Она понимает меня лучше. Она видит во мне человека, а не бухгалтерскую книгу с претензиями.

Он подошел к холодильнику, достал бутылку виски, открыл её и сделал большой глоток. Потом плеснул виски в бокал. Капли потекли по подбородку.

— Завтра утром, — продолжил он, вытирая рот тыльной стороной ладони, — ты подпишешь бумаги. О разделе имущества. Доля в клинике переходит ко мне. Квартира тоже. А ты получаешь компенсацию. Скромную. Или... — он усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого крика, — или я делаю твою жизнь на работе невыносимой. Инспекция, проверки, слухи. Ты же знаешь, как это работает.

Он перечислял квартиру и долю, а я считала, сколько минут можно выиграть черновиком. Пока он диктует условия, он не лезет в сумку. Я развернула ноутбук к себе. Хорошо, Дима. Раз тебе нужен бухгалтер, ты его получишь.

— Хорошо, — сказала я. — Садись. Я набросаю черновик.

Дмитрий моргнул, оглянулся на пустой стул. Я отодвинула его ногой: садись. Пусть сидит напротив, с бокалом, а не нависает над моими руками. — Ты... серьезно?

— Абсолютно. — Я открыла ноутбук и набрала заголовок. Пришлось стереть первую букву: попала мимо. Дмитрий следил за экраном, так что следующую строку печатала медленнее. — Но давай сначала уточним детали. Что именно входит в активы?

Он сел напротив и начал устраиваться удобнее. Я помнила эту позу: так он ждал, пока я оформлю за него очередную неприятную бумагу. Внизу черновика оставила место для подписи, но не заполнила реквизиты. Внешне все выглядело солидно. Передавать ему хоть что-нибудь я не собиралась.

Глава 3

Я услышала хруст раньше, чем успела отнять руки от клавиатуры.

Дмитрий швырнул бокал в стену над моей головой. Я пригнулась уже после удара. Стекло посыпалось на стол, виски попало в волосы, за ворот халата. По щеке текло холодное. Хотелось вытереть сразу, но я боялась поднести ладонь: не стеклянная ли крошка прилипла к коже?

— Тебе вообще всё равно?! — заорал он, вскакивая со стула. Его лицо было багровым, вены на шее вздулись. — Я угрожаю тебе тюрьмой, потерей бизнеса, позором, а ты печатаешь?! Ты робот?!

Он смотрел на мои руки. Ждал, когда я отдерну их от клавиатуры.

Я вжалась в спинку стула. На клавиатуре блеснул осколок; я убрала пальцы, чтобы он не впился в кожу. Медленно, очень медленно, я повернула голову. Посмотрела на осколки на полу, затем на его кулаки, сжатые до побеления костяшек. Затем подняла глаза на его лицо.

— За разбитый бокал, — произнесла я абсолютно ровным, почти скучающим голосом, — я вычту ущерб из твоей доли. Стоимость ремонта стены, замена стекла, уборка, моя нервная система. Ты хочешь платить за своё поведение деньгами или нервами, Дима?

Дмитрий посмотрел на разбитый бокал, потом на меня. Я успела ощутить, как дрожат ноги под столом, и подвинула ступни ближе к стулу. Он этого не видел. Еще бы убрать из волос липкую каплю виски — но тогда придется поднять руку, и он заметит дрожь. Я осталась сидеть. Пусть первым заговорит он.

— Ты играешь со мной, — прошипел он.

— Я работаю, — поправила я.

Он тяжело дышал, меряя кухню шагами. Потом остановился у окна, спиной ко мне. — Знаешь, почему я так поступаю? — спросил он в стекло. Голос стал тише, почти интимным. — Елена беременна.

Я перестала печатать. В черновике осталось недописанное слово; закончить его не могла. Он сказал «беременна», и на секунду я поверила раньше, чем вспомнила сообщение Елены. Фиктивная. Там было написано «фиктивная беременность». Я посмотрела на планшет, лежащий рядом: строка никуда не делась, я читала ее сегодня.

— Она носит моего ребенка, — продолжил Дмитрий, оборачиваясь. Он посмотрел на строчку, которую я бросила печатать, и повысил голос. — А ты... Ты бесплодна, Марина. Помнишь диагноз? Три года лечения, пустые надежды. Нам нужен наследник. Для клиники, для фамилии. Ты сама понимаешь, что я не могу оставить все это без присмотра. Ради бизнеса. Ради будущего.

Я вспомнила, как ждала результаты из лаборатории. Как пересчитывала дни, как боялась лишний раз спросить, как плакала после нового заключения. А он теперь произносил «ты бесплодна» с удовольствием. Подброшенный анализ? Поддельный диагноз? Еще вчера я бы отогнала такую мысль. Сегодня он сам заставил меня вспомнить, кто забирал мои документы.

Я усмехнулась. Получилось плохо — губы дрожали. Он ждал другого выражения лица, и хотя бы это я могла ему не дать.

— Наследник тебе нужен только для того, чтобы оправдать твои финансовые махинации, — сказала я. — Чтобы передать активы «семье», которая скоро распадется. Но ты забыл одну деталь, Дима.

Я закрыла ноутбук и прижала ладонь к крышке. Сейчас он должен смотреть на меня, а не на пустые поля черновика.

— Какую? — напрягся он.

— Я знаю, где лежат ключи от сейфа с оригиналами договоров, — произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — И я знаю, что там лежит не только бизнес-план. Там лежит история болезни Елены. Настоящая. Без беременности.

Он шагнул ко мне прежде, чем я успела отодвинуть ноутбук. Схватил запястье и сдвинул так, что пришлось разжать пальцы. Но крышка ноутбука оставалась под моей второй ладонью.

— Откуда у тебя это? — прорычал он, начиная тянуть ноутбук к себе. — Ты копала в моих бумагах?

Теперь ему было нужно не соглашение, а мой ноутбук.

Я выдернула руку из его хватки. Резко, используя рычаг, который мы изучали на курсах самообороны десять лет назад. Он отпустил, потеряв равновесие.

Я блефовала. Переписка на планшете была у меня, но историю болезни я не видела.

— Файл сохранен в облаке, — спокойно сказала я, потирая покрасневшее запястье. — Доступ есть только у меня. Если я исчезну, файлы уйдут в полицию, в Роспотребнадзор и в СМИ автоматически. Через час.

Он посмотрел на планшет, потом на ноутбук. Я ждала, какой из двух он попробует отнять. Слова про автоматическую отправку должны были удержать его хотя бы на минуту.

— Условия просты, — продолжила я. Запястье еще болело; я опустила руку на колени, чтобы не растирать его при нем. — Ты уходишь сегодня ночью. Берешь только личные вещи. Ключи от машины и квартиры остаются у меня. Документы обсуждаем с юристами. Моими.

— Ты сумасшедшая, — прошептал он.

— Возможно, — согласилась я. — Но я права.

Он вдруг рванул к столу, схватил телефон. Разблокировал экран, словно собирался показать мне еще один файл, но остановился. Пальцы сжимали аппарат так, что побелели костяшки.

— Если ты не согласишься на мои условия немедленно, — сказал он мне, не отрывая взгляда от меня, — я уничтожу твою репутацию. Компромат по налогам. Твои ошибки прошлого, которые я сам исправлял незаконно. Ты сядешь. Надолго.

Он положил телефон на стол, экраном вверх. Я ждала, нажмет ли кнопку, отправит ли свой компромат прямо сейчас. Экран погас. Дмитрий продолжал смотреть на меня. Ему нужен был ответ до отправки.

Мне вдруг стало ясно, почему он так торопил с подписью. Елена, беременность, мои анализы — все вело к одной строке в договоре. Подпиши, и ты хорошая жена. Подпиши, и тебя не посадят. Подпиши, потому что никто больше не захочет с тобой жить. Он подбирал разные слова, а требовал одно. Я смотрела на него и больше не искала в этом любовь.

Страшно все еще было. Я видела, что бокал он разбил всерьез, и запястье ныло под рукавом. Но теперь я знала, чего он добивается. Если не подпишу, ему придется придумать следующий ход. Не мне просить о милости — ему искать способ забрать мое.

— Угрожай, — сказала я. — Со вчерашнего дня я ждала, чем ты попытаешься меня добить. Чтобы убедиться, что ты действительно настолько мелок, что готов отправить жену в тюрьму ради доли в ООО.

Я подошла ближе, вторгаясь в его личное пространство. Почувствовала тот самый чужой парфюм еще сильнее. Тошнота вернулась, но я проглотила её вместе с кровью, прикусив губу до боли.

— А теперь иди спать в гостиную, — приказала я. — Завтра будем говорить через юристов.

Дмитрий посмотрел на меня, потом на ноутбук за моей спиной. Я не двинулась. Ему пришлось обойти меня, чтобы выйти. Дверью хлопнул так, что с полки посыпались баночки со специями; я вздрогнула, но он этого уже не видел.

Я осталась одна.

На полу лежали осколки, в волосах высыхали брызги виски. Я провела пальцем по губе: кровь. Выставлять ее напоказ было некому — он уже храпел в гостиной. Я осторожно убрала со стола стеклянную крошку, чтобы не порезаться, когда буду опираться ладонями.

Я провела салфеткой по губе и увидела бурый след. Воду хотелось пить до боли, но стакан остался на его стороне стола. Я взяла другой. Это оказалось неожиданно важно: налить самой, выпить, не спросить, успокоился ли он. Кровь смылась не сразу.

Потом я сидела с водой среди осколков и смотрела на молнию сумки. Планшет был у меня. Номер адвоката был у меня. Всего два предмета против человека, которому я доверяла десять лет, — но их хватало, чтобы не идти за ним в гостиную и не просить вернуть наш прежний вечер.

Телефон в кармане халата коротко вибрировал. Экран засветился в полумраке кухни.

Номер Сергея Валентиновича. Ответ на мой вчерашний звонок.

«Он начал игру. Мы можем помочь вам закончить её. Встречаемся завтра в 14:00. Кофейня "Гиппо". Сергей Валентинович.»

Я посмотрела на дверь гостиной, откуда доносился храп Дмитрия. Затем перевела взгляд на сообщение.

Сергей ответил на мой звонок. Он знал отца, но совсем не обязан был знать, во что я превратила свою семейную жизнь. Завтра придется рассказать ему подробнее. Я посмотрела на дверь гостиной: до завтра сначала надо дожить без нового разговора с Дмитрием.

Улыбнулась — и засохшая кровь стянула губу. Даже такая маленькая боль теперь была понятнее того, что он называл любовью.

Напечатала короткий ответ: «ОК».

Встреча была назначена. Я могла закрыть планшет до утра, а не сидеть над ним всю ночь в надежде, что договор сам исчезнет.

Глава 4

После встречи с Сергеем в кофейне я вернулась к отчетам. Дверь кабинета главного бухгалтера хлопнула так, что с полки упала стопка папок. Дмитрий стоял на пороге, покрасневший от спешки и алкоголя, который он не удосужился смыть. В руках он сжимал тонкую папку с документами, которые должны были решить судьбу клиники. И мою.

— Подписывай, — бросил он вместо приветствия. Его голос звучал хрипло, но в нём была та самая интонация хозяина положения, которую я ненавидела последние десять лет. — У меня через час операция. Я в добром настроении, Марина. Не заставляй меня менять его.

В таблице мигал курсор — как раз в той клетке, где я остановилась до его появления. Я смотрела на нее, чтобы не смотреть на папку. Сергей предупреждал: читать целиком, не ставить подпись даже «для обсуждения». Сейчас вспомнить это было легче, чем произнести вслух. Пусть Дмитрий подождет. Хотя бы несколько секунд.

— Ты пахнешь её духами, Дима, — сказала я ровно, не отрывая взгляда от экрана. — «Black Opium». Или чем там она пользуется? Мне кажется, это слишком вульгарно для врача-анестезиолога. Слишком дешево для твоего статуса.

Дмитрий дернулся, будто получил пощечину. Он шагнул ближе, шлепнув папкой по столу. Бумаги рассыпались. — Мы же семья, Марин! — воскликнул он, и в этом крике была ложь, густая, как масло. — Ты всегда знаешь, когда надо уступить. Подпиши отказ от доли. Клиника перейдет под управление фонда, а мы разведемся цивилизованно. Без скандалов. Ради нашего общего прошлого.

Ради моего будущего, которое он хотел украсть.

— Я бухгалтер, Дмитрий, а не эмоциональная клякса, — ответила я, наконец глядя ему в глаза. — И я не подписываю документы, не прочитав их до буквы. А ты даже не потрудился снять грязь с ногтей перед тем, как войти в режимное помещение. Это не прибавляет доверия твоим бумагам. Хочешь, чтобы я позвала свидетеля?

Он сжал челюсти. Значит, услышал главное: на скорости подпись не получит. Я убрала с края стола ручку и подвинула к себе папку. Пусть попробует сунуть лист так, чтобы я не видела предыдущей страницы.

Он достал телефон и развернул экраном ко мне. На нем были скриншоты переписки с бывшим налоговым инспектором, Сергеем Петровичем. — Смотри сюда, — прошипел он. — Помнишь 2019 год? Когда мы «оптимизировали» налоги через ИП твоего брата? Я могу отправить эти файлы в ФСБ прямо сейчас. Тебе грозит реальный срок. Шесть лет колонии, если повезет. А клинику закроют. Все активы уйдут государству. Подпиши бумагу, и я забуду о них.

Шесть лет. Я представила, что будет с мамой, если она услышит эту цифру. Пришлось ухватиться за край стола под бумагами. Дмитрий наблюдал за мной; значит, хотел, чтобы я думала именно об этом, а не о документе на экране. Я протянула ладонь за телефоном. Сначала посмотрим, чем он размахивает.

Я взяла телефон, увеличила изображение. Под сообщением стояли дата и время: 14 октября, 23:45. — Странно, — пробормотала я, водя пальцем по экрану. — Сергей Петрович уволился из налоговой в сентябре. У него был конфликт с начальством. А здесь он пишет тебе в нерабочее время, используя личный номер, который сменил в октябре. А время на верхней панели — сегодняшнее. Ты показал мне снимок чужого сообщения, а не исходную переписку. Где оригинал, Дима?

Он выдернул телефон у меня из ладони, не дав посмотреть соседнее сообщение. Я удержала пальцы на столе: тянуться следом означало бы бороться за вещь, которую он уже объявил своей. — Это не важно! Важно то, что у тебя есть реальные грехи, которые я прикрывал!

Важно то, что ты трус.

Он потерял терпение. Резким движением он схватил мое запястье. Его пальцы вцепились в кожу, причиняя боль. Он наклонился, нависая надо мной, как хищник. — Ты подпишешь. Сейчас. Или я вызову охрану и скажу, что ты истеришь. Тебя выведут наружу. Позор на весь этаж.

Запястье оказалось зажато между его пальцами и краем стола. Он давил, заставляя меня повернуться к папке. Я слышала, как у двери кто-то прошел, и едва не закричала следом. Но сначала нужно освободить руку. До ручки на столе оставалось совсем немного, и он мог силой вложить ее мне в пальцы.

Мне нужно было повернуть его большой палец от запястья. Этот прием мы разбирали на давних курсах самообороны; тогда я смеялась, что мой муж точно не пригодится для тренировки. Теперь нашла палец свободной рукой и дернула вверх и в сторону.

Дмитрий вскрикнул от боли и отпустил руку, отшатываясь назад. Он схватился за свой палец, морщась. — Ты... ты сошла с ума!

— Нет, — произнесла я тихо, поправляя рукав блузки. Моя рука дрожала, но я спрятала её под стол. — Я просто защищаю свои границы. Физические и юридические. Больше не трогай меня, Дмитрий. Никогда. Следующий раз будет стоить тебе лицензии.

В этот момент дверь открылась. Елена. Елена держала планшет с анализами у груди. Она смотрела то на Дмитрия, то на меня, и я уже пожалела, что не засучила рукав сразу. Следы его пальцев скрывала ткань; зато его больной палец был у нее перед глазами. — О боже, — выдохнула она, посмотрев на Дмитрия, затем на меня. — Дима, ты в порядке? Марина, может, вызвать врача? Вы оба нервничаете...

Елена смотрела на его палец, а на мой рукав даже не взглянула. Я поправила манжету, скрывая красные следы. Вот что она потом расскажет коллегам: Марина напала на Дмитрия. Мне нужен был не ответ на ее жалость, а свободная дверь.

Я встала и встретила Елену у стола. Она была выше меня на голову; пришлось поднять подбородок. Папку с договорами я оставила за спиной. — Елена Викторовна, — мой голос был сухим, как наждачная бумага. — Кабинет главного бухгалтера является служебным помещением. Присутствие посторонних лиц во время конфиденциальных переговоров запрещено внутренним регламентом клиники. Пожалуйста, покиньте помещение немедленно.

Елена замешкалась, переводя взгляд на Дмитрия. Тот все еще думал о своем пальце. — Но... мы же коллеги... — начала она.

— Вы врач-анестезиолог, а не член совета директоров, — перебила я жестко. — Идите работать. Или напишите заявление об уходе. Выбор за вами.

Елена посмотрела на Дмитрия, не получила от него помощи и вышла. Дверь прикрыла осторожно. Я подождала щелчка: разговаривать через нее с любовницей мужа не собиралась.

Дмитрий, восстановив дыхание, кинулся к окну. — Я позвоню охране! — заорал он. — Ты удерживаешь меня силой! Ты саботируешь работу клиники!

Он потянулся к телефону, лежащему на столе. — Не стоит, — сказала я спокойно.

Я достала маленький диктофон, который записывал разговор под стопкой папок. Индикатор записи горел красным огоньком. — Если ты вызовешь охрану, они услышат вот это, — я остановила запись и включила воспроизведение. Голос Дмитрия, хриплый и злой, заполнил комнату: «Ты подпишешь. Сейчас. Или я вызову охрану...» Перед этим: «Тебе грозит реальный срок...»

— Камера в коридоре покажет, кто ворвался сюда и кто вышел. А то, что было внутри, они услышат. Ты хочешь звать свидетелей? Зови.

Он перестал тянуться к телефону. Из диктофона звучал его собственный голос, и даже мне стало не по себе: на записи он говорил хуже, чем я успела запомнить. Я не стала выключать сразу. Пусть дослушает угрозу — целиком, без своего привычного «я такого не говорил».

Глава 5

Он перестал требовать подпись тем же голосом. У меня едва не вырвалось: «У тебя через час операция». Но сейчас он хотел, чтобы я забыла о ней и опять занялась его состоянием. Я осталась у стола. Он медленно осел на пол. Сел, обхватив колени руками. Его плечи затряслись. — Я не могу больше, Марина... — простонал он. — Я люблю её. Она беременна. Понимаешь? Ребенок. Наш общий бизнес рухнет, если я не дам ей стабильности. А ты... ты останешься одна. В этой пустой квартире. Старая, одинокая женщина без детей. Потому что ты не можешь дать мне то, что может она. Твою бесплодность подтвердили анализы, помнишь? Ты виновата во всем.

Я слишком хорошо знала, на каком слове обычно начинала плакать. «Дети». Он тоже знал. Полгода назад заключение лежало между нами на этом же столе, и я умоляла попробовать еще раз. Сейчас он сидел на полу и использовал ту просьбу, чтобы забрать мою долю. Надо было ответить так, чтобы он перестал ждать моих слез.

Я подошла к нему. Наклонилась. Мой запах — дешевый кофе и напряжение — смешался с его запахом алкоголя и чужих духов. Я прошептала ему на ухо так, чтобы слышал только он: — Агентство «Гелиос», Москва, офис на Тверской. Договор № 45-Б/А. Ты платил Елене триста тысяч в месяц за роль любовницы. За фиктивную беременность в медкарте, которую она заполнила задним числом. Код для перевода денег: «Подарок на день рождения». Ты думаешь, я дура?

Он поднял голову на названии агентства. На сумме дернулся сильнее. Я заметила это и заставила себя не торопиться с последними словами. Сергей назвал «Гелиос» как один из вариантов, все остальное я собрала из намеков. Сейчас Дмитрий сам показывал, какие из них попали в цель.

— Откуда?! — прохрипел он, пытаюсь встать, но ноги не слушались. Он схватил меня за плечи, пытаюсь перехватить инициативу. — Что ты знаешь?! Кто тебе сказал?!

Я высвободилась из его хватки. Посмотрела на него сверху вниз. — Я знаю достаточно, чтобы понять: ты не умнее меня. Ты просто громче.

Доказанного договора у меня не было. Сергей упомянул «Гелиос» среди похожих дел, и я решила рискнуть. Номер и сумму назвала так уверенно, будто уже разложила перед следователем платежки. Отступить было нельзя: он все еще ждал, когда я признаюсь, что ничего не знаю. Я выдержала его взгляд. На этот раз оправдываться не пришлось.

Пока он сидел на полу, ошеломленный, я обошла стол. Открыла свой небольшой сейф (код я знала лучше него). Достала ключи от основного архивного сейфа, где хранились оригиналы учредительных документов клиники. — Оригиналы остаются у меня, — сказала я, пряча ключи в карман брюк. — Ты можешь забрать копии. Передать мою долю без моей воли ты не сможешь. Ни бумажкой, ни угрозой.

Ключи звякнули в кармане. Дмитрий смотрел на этот карман, а я — на открытую дверь. Если он сейчас встанет, мне придется протиснуться мимо него. Нужно было выйти, прежде чем он решит, отбирать ключи или снова разговаривать о любви. Его папка лежала на столе.

Я развернулась и вышла из кабинета. В коридоре было холодно. Свет ламп резал глаза. Эхо моих шагов гулко отдавалось в тишине этажа. Коллеги косились, кто-то сделал вид, что увлечен бумагами.

Через дверное стекло было видно, что копию договора он все еще держит. Значит, отбирать ключи пока не пошел.

Я достала телефон. Пальцы все еще немного дрожали, но теперь это была дрожь адреналина, а не страха. Я набрала номер Сергея Валентиновича. — Алло, — его голос был спокойным, бархатным. — Он купил блеф, — сказала я быстро, идя к лифту. — Он думает, что

у меня есть компромат на его агентскую схему. Он растерян. Кажется, выиграла немного времени. На сутки я бы не рассчитывала. — Хорошо, Марина. Это создаёт окно возможностей. Встречаемся в восемь вечера в моем офисе. Принесите планшет и всё, что удалось сохранить. И главное — не спешите домой. Пусть он варится в собственном страхе.

Лифт прибыл. Двери раскрылись, выпуская поток теплого воздуха из кабины. — Я еду, — ответила я.

В зеркале лифта я проверила рукав. Следы на запястье были прикрыты. Телефон Сергея еще светился на экране, и я не убирала его: хотелось видеть, кому позвоню, если Дмитрий догонит.

За закрывшимися дверями лифта остались его угрозы. Восемь вечера. До встречи с Сергеем надо было сохранить архив, который Дмитрий называл моими «грехами».

Следующим утром Дмитрий прислал страницу отчета за 2019 год. Подпись была моя — я помнила эту торопливую кривую. А сумму расхождений он обвел красным, чтобы я первым делом посмотрела туда. Телефон вибрировал по столу, пока я удерживала снимок открытым.

«Подпиши отказную до полудня», — гласило сообщение от Дмитрия. «Или отправляю это в ФНС. Тебе грозит срок, Марина. И ты знаешь, что я могу доказать свою правоту».

Я узнала подпись раньше цифры. Ночная, торопливая; я тогда прижимала к столу холодную кружку, чтобы не заснуть над отчетом. Дмитрий взял именно эту страницу. В ней было все для его истории: моя рука, чужие расчеты и красная черта там, где читатель должен испугаться. Я увеличила снимок. Если он рассчитывает, что я перестану думать, получив такое сообщение, придется его разочаровать.

Я положила телефон рядом с клавиатурой и достала из сейфа внешний диск. Дмитрий о нем не знал. Считала это излишней предосторожностью, когда сохраняла старые отчеты дома. Теперь даже на секунду не хотелось выпускать диск из рук. Подключила. Архив попросил пароль.

На секунду я забыла пароль. Так бывает с дверью собственной квартиры, если сзади кто-то требует открыть немедленно. На этом диске прежде стоял ключ от домашнего Wi-Fi; потом я заменила его. Осенью 2019-го Дмитрий читал мне вслух из модной бизнес-книги, как важно доверять партнеру. Я сидела над его неподписанными счетами и поменяла пароль на название книги, которую он терпеть не мог: «Волки не спят».

Набрать эти слова было так же естественно, как дышать. Enter. Папки открылись.

Нужной версии с моими исправлениями не было. Я нашла «Коррекция_Финал_v3», открыла и сравнила со снимком. Похожий лист. Но снимок он мог сделать с любой копии. Я полезла в свойства файла и записала дату создания.

14 марта 2021 года.

Два года назад. Елена появилась в клинике только месяц назад. Файл создали гораздо раньше — и позже отчетного периода. Я переписала дату отдельно. Она еще не доказывала взлом или подлог, но заставляла искать более раннюю версию.

Зазвонил телефон. На экране высветился номер Сергея Валентиновича. Я ответила, стараясь говорить ровно, хотя голос все равно предательски сорвался.

— Марина Андреевна, я изучил документы, которые вы прислали утром, — сказал адвокат, и в трубке слышался шелест бумаг. — Без оригинала доподлога нам будет тяжело доказать вашу невиновность в суде. Дмитрий грамотно сыграл. Мой совет: можно рассмотреть его условия как временный выход. Он обещает отозвать угрозы, если вы подпишете передачу доли. Потом попытаемся оспорить сделку. Но обещать, что долю вернут, я не могу.

Я прижала телефон к уху так, что заболела щека. Сдать долю сейчас, вернуть потом. Уже муж обещал мне потом свободу, потом компенсацию, потом спокойную жизнь. Я звонила Сергею, чтобы выбраться из этого «потом», а он опять загонял меня туда. Хотелось спросить, на чьей он стороне. Для ответа хватало одного слова.

— Нет, — отрезала я. Голос стал стальным. — Если я подпишу сейчас, я потеряю любой рычаг давления навсегда. Он уничтожит клинику, а я останусь без денег и с клеймом преступницы. Мне нужно время до вечера. Я найду доказательство.

— Вы рискуете всем, Марина, — предупредил Сергей.

— Я рискую тем, что меня посадят в клетку. А вы предлагаете мне добровольно надеть ошейник. Прощайте.

Сбросив вызов, я положила телефон экраном вниз. Он больше не звонил. Это было даже обиднее спора: Сергей мог продолжать работать, а мне надо было найти исходный отчет одной. Я снова открыла папку за 2019 год. Раз он считает, что оригинала нет, я хотя бы проверю, кто его убрал.

К десяти начали звонить инвесторы. Они спрашивали о конфликте директоров, еще не называя ни одного из нас виноватым. Пока это было лучше, чем могло быть. Я отвечала по отчетности и открывала архив за архивом, прикрывая окно с поиском, когда кто-нибудь входил.

Елена вошла без стука. Положила визитку на мой стол и осталась стоять, словно ждала, что я сейчас же схвачу телефон.

— Добрый день, Марина Андреевна, — улыбнулась она своей дежурной, пустой улыбкой. — Дмитрий просил передать. Он скучает. Говорит, вы слишком упрямы, чтобы понять, что лучше для всех.

Я знала номер Дмитрия наизусть. Елена тоже это знала. Значит, принесла визитку ради этого «Позвони» — чтобы я сама попросила разговора, пока она стояла рядом и смотрела. Карточку стоило сохранить. Пусть потом отрицают, что посылали ее ко мне с поручениями.

Визитку я осмотрела и убрала в карман пиджака. Пусть дождется, куда дену ее, прежде чем услышит ответ.

— Передайте Дмитрию Сергеевичу, — сказала я, глядя ей прямо в глаза, — что он может позвонить мне сам. Когда освободится от своих дел. А пока прошу покинуть кабинет, у меня совещание с аудитором.

Елена побледнела, её улыбка дрогнула. Она вышла, хлопнув дверью.

Глава 6

Я открыла доступный мне журнал сервера и ввела «Архив_2019_Коррекция». Администраторские права у бухгалтерии пока оставались. Дмитрий мог закрыть и их — нужно было пользоваться тем, что еще работало.

Попытка удаления папки была зафиксирована три часа назад. IP-адрес принадлежал рабочему компьютеру Дмитрия в кабинете заведующего отделением. Файл исчез из локальной сети. Но облачное резервное копирование синхронизировалось раз в сутки. Следующая синхронизация была через два часа. Через два часа копия в облаке перезапишется, и улики исчезнут окончательно.

Мне нужно было попасть в его кабинет. Прямо сейчас. До синхронизации. Локальная копия временных файлов браузера и история действий пользователя могли содержать черновики писем или ссылки на скачанные данные перед удалением.

На цепочке у меня висела маленькая флешка. Она так часто цеплялась за одежду, что я давно собиралась снять ее. Хорошо, что не сняла. Пока искала глазами нужную папку в журнале, уже нащупывала колпачок. Два часа до синхронизации. А кабинет Дмитрия — в другом конце этажа.

Я схватила маленькую флешку, которую всегда носила на цепочке, и вышла в коридор. Кабинет Дмитрия находился на третьем этаже, в конце длинного холла с зелеными стенами. Дверь была закрыта. Я достала универсальный ключ от служебных помещений — привилегия главного бухгалтера, которая позволяла мне проходить везде, кроме операционных.

В кабинете пахло одеколоном и табаком: Дмитрий опять курил у окна. Я притворила дверь. Компьютер был включен. Если экран заблокируется, попасть к нужным файлам будет сложнее, поэтому я сразу подошла к столу.

Вставила флешку, выбрала папки и запустила копирование. Индикатор дошел до десяти процентов, потом до двадцати. Звук в коридоре я теперь слышала лучше, чем гудение компьютера.

В этот момент дверь открылась.

Я повернула голову, не успев убрать ладонь с USB-порта. Оля стояла на пороге и смотрела прямо на меня. Можно было сказать правду: Дмитрий уничтожает наши документы. Но тогда придется отвечать, зачем я сижу за его компьютером. Я присмотрела папку на столе: надо будет назвать ее, будто я только за ней и пришла.

— Марина Андреевна? — удивленно спросила она. — Вам помочь? Вы забыли документы?

Если бы она поняла, что я копирую файлы с компьютера начальника, слухи разлетелись бы за час. Дмитрий узнал бы мгновенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.